

УДК 372.881.1

***МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ***

Реутов М.И.

к.п.н., доцент,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

Калуга, Россия

Реутова А.М.

магистрант,

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

Калуга, Россия

Аннотация

В данной статье рассматривается лингводидактический подход к интерпретации понятия «межкультурная интерференция». Предлагается определение межкультурной интерференции на основе анализа данного явления, представленного в лингводидактических исследованиях. Предлагается рассмотрение межкультурной интерференции в контексте речеповеденческого взаимодействия в межкультурном общении. Выявлены и описаны виды культурной интерференции согласно критерию природы интерферирующего языкового контакта. Делается вывод о том, что межкультурная интерференция является относительно неустоявшимся лингводидактическим понятием в связи с процессом становления лингводидактики как научного направления.

Ключевые слова: межкультурная интерференция, лингводидактическая интерпретация, речеповеденческие нормы иноязычной культуры, речеповеденческая тактика, контаминация, гиперкоррекция, креолизация.

***INTERCULTURAL INTERFERENCE
AS A LINGUODIDACTIC CONCEPT***

Reutov M.I.

PhD, Associate Professor,

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovskiy,

Kaluga, Russia

Reutova A.M.

undergraduate student,

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovskiy,

Kaluga, Russia

Abstract

The article discusses the linguodidactic approach to the interpretation of the concept of intercultural interference. The new definition of intercultural interference is proposed by the author. It is based on the analysis of the phenomenon under study presented in linguodidactic research. Intercultural interference is considered in the context of speech behavioral interaction in intercultural communication. The types of cultural interference are identified and described according to the criterion of the nature of interfering language contact. It is concluded that intercultural interference is a relatively loose linguodidactic concept which can be explained by the process of formation of linguodidactics as a scientific discipline.

Keywords: intercultural interference, linguodidactic interpretation, speech behavioral norms of a foreign culture, speech behavioral tactics, contamination, hypercorrection, creolization.

Явление языковой интерференции было широко изучено еще в XX веке в рамках системно-структурной лингводидактической парадигмы. Словарь методических терминов и понятий Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина дает *Дневник науки* | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

определение интерференции как взаимодействия языковых систем, выражающегося в отклонениях от нормы и системы иностранного языка под влиянием родного [1]. Согласно данному определению, языковая интерференция является отрицательным явлением, приводящим к возникновению ошибок.

В научной литературе существует также несколько иное понимание данного понятия, благодаря противопоставлению конструктивной и деструктивной (или положительной и отрицательной) интерференций [11,3]. Под конструктивной интерференцией понимается позитивное воздействие системы родного языка на овладение иностранным, т.е. происходит включение в лингводидактическое понятие «интерференция» методического понятия «положительный перенос».

Традиционно выделяют межъязыковую и внутриязыковую интерференции, где природой первой из них является существование сильных и слабых различий между системами родного и иностранного языков, а второй – деструктивное влияние ранее сформированных более прочных навыков на овладение новыми навыками при изучении иностранного языка. По сути, системно-структурный подход рассматривает то, что в современных лингводидактических исследованиях называют лингвистической интерференцией на различных уровнях (фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом).

Возникновение коммуникативно-прагматической и антропоцентрической лингводидактических парадигм, а также развитие теории межкультурной коммуникации привели к тому, что в XXI веке овладение иностранным языком рассматривается исключительно в неразрывной связи с лингвокультурологическими особенностями общения в рамках исследования влияния культурной специфики на речевое поведение. Данный процесс неизбежно привел к рассмотрению многих лингводидактических понятий в

более широком экстралингвистическом контексте. Понятие интерференции не является исключением.

Если вызванные интерференцией языковые ошибки в основном понятны инофону и вызывают его снисходительное отношение, то коммуникативные ошибки, связанные с переносом моделей коммуникативного поведения, принятых в родной культуре, на межкультурное общение, в большинстве случаев не идентифицируются как ошибки иностранца [5]. Такие ошибки воспринимаются носителем иноязычной культуры как проявления невежливого, странного или агрессивного поведения, что не просто затрудняет общение на иностранном языке, но и приводит к возникновению конфликтных ситуаций. Подобная интерференция связана с взаимодействием языковых систем на более высоком межкультурном уровне и объясняется различиями языковых картин мира, а также языковых моделей мира. Таким образом, более широкое лингводидактическое понимание явлений функционирования языковых систем с учетом экстралингвистических факторов диктует необходимость осведомленности преподавателей иностранного языка о межкультурной интерференции, а также владения ими методами ее преодоления на всех уровнях. Этими уровнями могут быть лексический, грамматический и дискурсивный [5].

На данный момент в лингводидактике не существует единого термина для обозначения интерференции как столкновения концептуальных картин мира при языковом контакте представителей разных культур. Для обозначения этого явления в научной литературе можно найти следующие термины: «коммуникативная интерференция» [4], «социокультурная интерференция» [2], «лингвокультурная (лингвокультурологическая) интерференция» [11,3], «межкультурная интерференция» [7] и т.д. В наших исследованиях мы склонны говорить о межкультурной интерференции, поскольку данное наименование позволяет нам более широко рассматривать изучаемое явление.

Социокультурная или коммуникативная составляющие определения интерференции, с нашей точки зрения, не вполне отражают специфику межкультурного общения на иностранном языке, поскольку они вполне могут быть применимы для описания монокультурной среды. Использование определения «лингвокультурный» предполагает лингвистическое понимание интерференции в рамках исключительно речевой деятельности.

Анализ определений рассматриваемого вида интерференции показывает, что разные авторы понимают его как столкновение картин мира коммуникантов при устноречевой форме общения [2], замещение концептов одной культуры на концепты другой, выраженное в речевой деятельности [8], а также взаимовлияние фрагментов культуры, представленных в языке, при осуществлении определенной речеповеденческой тактики [3].

Во всех данных определениях акцентируется внимание на речевом или речеповеденческом воплощении интерференции в межкультурном общении. Тем не менее, следует отметить, что коммуникативные сбои в широком смысле возникают и на неречевом, чисто поведенческом уровне. Например, в межкультурном общении у представителя русской культуры может возникнуть негативная реакция на поведение американца, не желающего снимать обувь при входе в жилище, поскольку в американской культуре это далеко не всегда является обязательным, а у представителя японской культуры можно наблюдать негативную реакцию на отказ российского гостя пройти вперед или занять уступаемое ему место, если это предложение исходит от лица женского пола, поскольку японец не имеет точно такого же представления о галантности по отношению к противоположному полу, которое сформировалось в русской культуре. Безусловно, подобные столкновения культур не имеют языковой природы, однако изучение данных явлений имеет большое воспитательное значение и обладает не менее значительным дидактическим потенциалом, чем изучение страноведческой информации на занятиях по иностранному языку.

При обучении рецептивным видам речевой деятельности аутентичные иноязычные тексты могут стать важным источником культурологической информации, необходимой для предупреждения межкультурной интерференции, выражающейся не только в ошибочных речевых и речеповеденческих актах, но и в противоречиях на сугубо поведенческом уровне, поскольку вербальное общение невозможно оторвать от невербального в реальной коммуникативной ситуации. Аутентичные тексты для чтения, а также аудиотексты и видеоматериалы, создающие у обучающегося широкое представление об особенностях межкультурного общения с использованием иностранного языка и без, способны обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, а также высокого качества учебно-воспитательного процесса средствами преподаваемой учебной дисциплины [10]. Кроме того, использование подобного материала способствует воспитанию толерантности в межкультурном общении, поскольку с гуманистических позиций принятие другого таким, каков он есть, способствует ориентации на человека как личность, а также формированию готовности взаимодействовать с ним [12].

Если рассматривать межкультурную интерференцию слишком широко как столкновение ценностей и норм поведения одной культуры с ценностями и нормами поведения другой, включая в данное понятие наряду с речевым взаимодействием коммуникативные ошибки чисто поведенческого характера в отрыве от языка, то можно говорить о выходе за пределы лингводидактики. В этом случае определение межкультурной интерференции максимально приблизится к понятию межкультурного конфликта, принятого в общей теории коммуникации и конфликтологии [9]. С другой стороны, представление межкультурной интерференции как формы взаимодействия чисто речевых актов сужает ее понимание до собственно лингвистической интерференции, которую различные авторы рассматривают как составную часть межкультурной интерференции наряду с дискурсивной и социокультурной.

Таким образом, лингводидактический подход к интерпретации понятия «межкультурная интерференция» нам видится через призму речеповеденческого взаимодействия коммуникантов в межкультурном общении на иностранном языке, а не чисто речевого или чисто поведенческого. Мы предлагаем рассматривать межкультурную интерференцию как *процесс и результат столкновения картин мира представителей разных культур, при котором речеповеденческие нормы, принятые в родной культуре, заменяют соответствующие нормы иноязычной культуры при общении на иностранном языке*. При этом картина мира нами традиционно понимается как совокупность концептуальной и языковой моделей, а интерференция как отклонение от нормы, согласно концепции Пражского лингвистического кружка, стоявшего у истоков определения данного понятия.

В этой связи любое взаимодействие картин мира, не вызывающее противоречий в межкультурном общении на иностранном языке, можно рассматривать как вариант понятия трансференции С.Ф. Шатилова, при котором имеет место либо совпадение речеповеденческих норм родной культуры и культуры иноязычной, либо их перенос без каких-либо отрицательных последствий для коммуникации. Например, прямые вопросы о размере заработной платы собеседника являются табуированными в англоязычном мире и признаком невоспитанности в русской культуре, поэтому перенос поведения воспитанного человека из русскоязычной среды в межкультурное общение с представителями англоязычных культур не приводит к возникновению коммуникативных ошибок и культурного шока. В методическом плане межкультурная трансференция соответствует явлению положительного переноса с той разницей, что переносу на формирование новых умений и навыков, а также на усвоение новых знаний подлежат не языковые навыки, умения и знания, а навыки и умения межкультурного общения на иностранном языке и знания особенностей родной и иноязычной картин мира.

Если проводить аналогии между языковой и межкультурной интерференциями, то вполне естественно возникает вопрос о возможности подразделения межкультурной интерференции на процессы столкновения норм речевого поведения в рамках одной иноязычной культуры и в рамках межкультурного взаимодействия подобно тому, как это происходит при делении языковой интерференции на межъязыковую и внутриязыковую. Сформулированное нами определение межъязыковой интерференции не позволяет подразделить ее на два вида по вышеприведенному критерию, поскольку столкновение картин мира предполагает, прежде всего, межкультурное, а не внутрикультурное взаимодействие.

Тем не менее, здесь можно предложить использование отдельного термина «внутрикультурная интерференция» для обозначения ошибок применения принятых в иноязычной культуре речеповеденческих тактик не к той ситуации. Например, это может быть абсолютизация коммуникативного табу, при котором во многих англоязычных культурах нежелательными являются вопросы о вероисповедании человека наподобие *Do you believe in God?* В результате жесткого следования правилу избегания подобных вопросов обучающийся не может в принципе получить информацию о вероисповедании партнера по межкультурному общению в ситуации, когда это крайне необходимо, из-за незнания того, что в англоязычном мире существуют такие особые вопросы для получения подобной информации без нарушения табу, как *Are you a person of faith?* или *Do you have a faith that you follow?*

Таким образом, понятия «межкультурная интерференция» и «внутрикультурная интерференция» возможно объединить в одном термине «культурная интерференция».

Лингводидактический подход к определению видов языковой интерференции предполагает не только использование критерия «способ интерферирующего языкового контакта», по которому она подразделяется на межъязыковую и внутриязыковую, но и критерия «природа интерферирующего

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

языкового контакта». В лингвистических и лингводидактических исследованиях этот критерий дает возможность глубоко изучить происхождение языковых ошибок, благодаря выделению таких видов языковой интерференции, как контаминация, гиперкоррекция и креолизация. Первая из них представляет собой объединение языковых единиц или их частей на основе их близости, т.е. перенос правил родного языка на иностранный (*Мне нравится этот фильм* → **Me likes this film*), вторая – ненормативные варианты аналогического происхождения в идиолекте обучающегося из-за его стремления к правильности речи, т.е. применение правила не к тому случаю с последующим усложнением системы иностранного языка (**Find out if they give us a room* – по аналогии с придаточными предложениями условия), третья – упрощение системы иностранного языка в ситуации языкового контакта, при котором могут исчезать целые языковые категории (** I asked she to come*) [6].

Подобное деление коммуникативных ошибок по критерию «природа интерферирующего языкового контакта» нам видится вполне возможным для культурной интерференции в межкультурной коммуникации. Однако оно имеет своеобразные особенности.

При языковой интерференции контаминация как один из ее видов предполагает замену языкового явления иностранного языка на соответствующее ему или похожее на него явление родного языка, гиперкоррекция – усложнение системы иностранного языка в идиолекте обучающегося, а креолизация – ее упрощение. Очевидно, что для культурной интерференции речь будет идти не столько об идиолекте обучающегося, сколько о его коммуникативном поведении.

Контаминация в межкультурном общении будет представлять собой не объединение языковых единиц или их частей на основе их близости, а замену речеповеденческой тактики, принятой в иноязычной культуре на ту, которая характерна для родной культуры в одной и той же коммуникативной ситуации. Таким образом, здесь можно говорить не о близости языковых единиц, а о

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

ситуативной близости, в условиях которой эти единицы реализуются в практике межкультурного общения. В качестве примера здесь можно привести замечание англоязычного преподавателя, сделанное русскоязычному студенту, курсовая работа которого не соответствовала требованиям (*You could change this section of your term paper. It might be a good idea to find some new information on the topic*). Результатом подобной формы замечания явилось невыполнение требований преподавателя, поскольку косвенный речевой акт был воспринят студентом как нечто необязательное для исполнения [5].

Поскольку гиперкоррекция имеет психологическую природу и связана со стремлением обучающегося строго следовать выученным правилам, в межкультурном общении под ней можно понимать применение иноязычной речеповеденческой тактики в нехарактерной для нее коммуникативной ситуации. Например, «политкорректное» игнорирование английского слова *man* в значении «человек», которое с точки зрения представителей англоязычного мира унижает представительниц прекрасного пола, и замена его на слово *person* нередко приводит к неоправданной замене слова *people* на *persons* во множественном числе по аналогии с единственным числом. Еще одним примером здесь может быть боязнь обучающегося задавать вопросы, касающиеся доходов другого человека, следуя правилам табу для обсуждения определенных тем в англоязычном мире в ситуации общения с работодателем при трудоустройстве, хотя в подобных ситуациях нарушение общепринятой нормы поведения оправдано для самих носителей языка, т.к. оно демонстрирует следование ценностям борьбы с неравенством и дискриминацией в ситуациях, когда работодатели склонны скрывать информацию о неравной оплате труда сотрудников, выполняющих одинаковые обязанности.

Креолизация в межкультурном общении представляется нам как довольно сложное явление, трактовка которого может быть неоднозначной ввиду того, что примитивизация речеповеденческих актов и тактики Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

межкультурного общения трудно отделить от упрощения идиолекта обучающегося. В этом смысле примитивная речеповеденческая реакция на ситуацию межкультурного общения должна восприниматься как нарушение не языковой, а речевой нормы, что в некоторой степени роднит рассматриваемое явление со скрытой креолизацией как формой языковой интерференции, когда в речи не наблюдается явных языковых ошибок. В качестве примера креолизации как вида культурной интерференции можно привести выражение заинтересованности беседой в примитивной форме. В англоязычном дискурсе принято постоянно реагировать на реплики собеседника, показывая этим свое внимание к нему, что не столь явно выражено в русскоязычном диалоге. При этом реакция должна быть разнообразной. Постоянное повторение фразы *I see* или *Interesting* делает общение примитивным и может вызвать негативную реакцию партнера по общению, хотя говорящий пытается соблюдать дискурсивную норму иноязычного общения.

Также креолизацией здесь можно считать полное отсутствие речеповеденческой реакции на ситуацию межкультурного общения, которое воспринимается инофоном как невежливое поведение или проявление безразличия к происходящему. Психологическая природа подобного явления может быть разной. Если примитивная речеповеденческая реакция или полное отсутствие реакции обусловлены элементарным незнанием иностранного языка, то мы имеем дело с креолизацией как видом языковой интерференции, поскольку в данном случае имеет место проблема, связанная с развитием лингвистической, а не межкультурной компетенции обучающегося. Если причиной коммуникативного сбоя является незнание особенностей культурно обусловленного поведения инофона в конкретной ситуации общения или сомнение относительно того, какую именно речеповеденческую тактику выбрать, то можно говорить о креолизации как виде культурной интерференции.

Рассмотрение воспитанности как комплексного свойства личности, реализующегося в межличностных отношениях, также может стать основой для определения психологической природы креолизации в межкультурном общении [9]. Например, перенос неприемлемого или неприличного поведения, свойственного коммуниканту при общении в монокультурной среде, где оно признано таковым, в ситуацию межкультурного общения не просто нарушает речеповеденческие нормы иноязычной культуры, но и эти же нормы в родной культуре, что делает общение примитивным в широком смысле и создает впечатление отсталости и необразованности участника коммуникации. Сюда, например, можно отнести обсуждение тем, неприемлемых в обеих контактирующих культурах, или асоциальное поведение.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Понятие межкультурной интерференции на данный момент является неустоявшимся в лингводидактической терминологии (что является вполне естественным для такой относительно молодой и развивающейся научной дисциплины, как лингводидактика) и отражает процесс и результат столкновения картин мира коммуникантов, принадлежащих к разным культурам.

2. Лингводидактическая интерпретация понятия «межкультурная интерференция» предполагает рассмотрение речеповеденческого межкультурного взаимодействия, с одной стороны, без отрыва от речевой деятельности и, с другой стороны, с обязательным учетом экстралингвистического контекста коммуникации.

3. Лингводидактический подход к определению видов культурной интерференции по критерию «природа интерферирующего языкового контакта» имеет свою специфику, которая предполагает взаимодействие не языковых единиц и явлений, а речеповеденческих тактик межкультурного общения на иностранном языке.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Геливера Л.О. Компетентностный подход к преодолению социокультурной интерференции / Л.О. Геливера, А.В. Папикян // Педагогический журнал. – 2020. – Том 10. – №2-1. – С.490–500.
3. Гончар М.С. Лингвокультурологическая интерференция в области речевого этикета: к вопросу определения понятия / М.С. Гончар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. - №4-1(70) . – С.70-73.
4. Екимова Н.В. Феномен коммуникативной интерференции в лингвистике / Н.В. Екимова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. - №10-2 (37) . – С.9-11.
5. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
6. Зеленецкий А.Л. Некоторые проблемы билингвизма и обучение иностранным языкам / А.Л. Зеленецкий // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных трудов. – 2008. – Выпуск 2. – С.7-29.
7. Полуяхтова С.В. Модель обучения преодолению межкультурной интерференции студентов экономического профиля / С.В. Полуяхтова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования.– 2017. – Том 3. – №1 . – С.234-245.
8. Полуяхтова С.В. Феномен интерференции в иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации / С.В. Полуяхтова // Педагогическое образование в России. – 2012. - №1 . – С.108-111.
9. Реутов М.И. Подготовка будущих учителей к ведению переговоров при разрешении конфликтных ситуаций в школе: спец. 13.00.08 «Теория и

методика профессионального образования»: дис. ... канд. пед. наук / Реутов Михаил Иванович. – Калуга, 2000. – 229 с.

10. Реутов М.И. Система обучения аудированию студентов языкового факультета на основе использования аутентичного цифрового аудиоматериала и концентрического принципа его предъявления // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: материалы региональной университетской науч.-практ. конф. – Калуга: Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, 2019. – С. 88–94.
11. Федорова Н.П. Преодоление лингвокультурной интерференции в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов (на материале английского языка): спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки; уровень высшего профессионального образования)»: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Федорова Наталья Павловна. – Нижний Новгород, 2010. – 21 с.
12. Шакирова Т.И. Формирование толерантности как патриотического качества в процессе обучения иностранному языку в вузе / Т.И. Шакирова // Вестник Калужского университета. – 2015. - №2. – С.78–81.

Оригинальность 94%